

**В связи с юбилеем театра «Сатирикон» наш корреспондент встретился с сыном и продолжателем дела А. И. Райкина — Константином РАЙКИНЫМ и попросил его ответить на ряд вопросов.**

— В этом году театру Райкина исполняется пятьдесят лет. Да простят мне его давнишние партнеры, которых я очень люблю и ценю, часть из них до сих пор работает в нашем театре, но по сути дела это был театр одного актера, театр Аркадия Райкина. И пустить сюда ватагу молодых людей, непонятно что еще собирающихся делать, и так вдруг полюбить их и прикрывать их своим крылом мог только живой и великодушный человек. Иногда после представления он приходил к нам за кулисы, и на его глазах я видел слезы. Он радовался нашим успехам.

Шесть последних лет жизни отца я работал с ним вместе. Мы общались с утра до вечера, мы хорошо понимали друг друга и часто спорили. Это было короткое, но счастливое время — я имел возможность воочию увидеть его в работе.

— А как он справлялся с недугом, продолжая работать, репетировать и играть в последние годы?

— Ему было чрезвычайно тяжело работать. Чтобы выйти на сцену, он такое проделывал с собой, что даже трудно представить. Я всегда говорил об этом нашим молодым актерам. По второму звонку он первым появлялся за кулисами, тщательно готовился. Надо было видеть, как он себя собирал перед выходом и как опал, когда уходил со сцены. Каждый его выход на сцену был актом мужества. Я это говорю не как сын, а как актер театра Райкина. На сцене с ним буквально происходило чудо: куда-то уходили его болезни, неприятности, трудности.

— Интерес к личности Аркадия Райкина не иссякает. В чем, как вы думаете, феномен Райкина?

— Думаю, в том, что он был великий артист и гражданин. А может быть, прежде всего гражданин!

Театр Райкина бичевал бюрократов, чинуш, хапуг. Он кричал во весь голос о недостатках и начальственном рабстве. За это его били. Он, конечно, мог пострадать и больше, учитывая сталинские времена. Но в этом смысле ему повезло.

— В годы застоя Аркадию Исааковичу было трудно работать в искусстве. Ему мешали, заставляли перекривать, смягчать, «высветлять»?

— Да, его, случалось, даже называли анти-советчиком, упрекали в том, что он «наносит удар по партии». Причем это говорили деятели очень высокого ранга: Суслов, Гришин. Они говорили: «Да какой там «Голос Америки»? Стоит в центре Москвы человек и несет антисоветчину». Особенно негодовал Суслов, но он не мог не считаться с добрым отношением Брежнева к моему отцу. Война застала театр Райкина в Днепрпетровске на гастролях. Брежнев, как известно, тогда работал там в обкоме партии. Он дал театру вагон и вывез его из-под бомбежек. Потом папа в составе фронтовой бригады находился полгода на Малой земле. И, видимо, Суслов знал об этом. Более того, переезд театра Райкина в Москву в большей степени состоялся благодаря Брежневу.

— В свое время об этом переезде ходило немало разговоров.

— В Ленинграде работать было трудно. Отец разделял Ленинград на две неравные части. С одной стороны, замечательная ленинградская публика, которую он любил и считал лучшей в стране, с другой — ленинградское руководство, которое ему всячески мешало. Каждая сдача нового спектакля была для отца настоящим адом, через который нужно было пройти с наименьшими затратами, потерями и переделками. К сожалению, и сегодня методы Жданова, Толстикова и Романова порой продолжают сказываться в художественной жизни Ленинграда.

В дни, когда заставляли кромсать и переделывать спектакли, он страдал, но на своих товарищах никогда не вымещал раздражения.

— А как он реагировал на общественные катаклизмы, которые происходили в нашей стране?

— Сознательно я существовал уже после смерти Сталина, хотя родился в 50-м году. В детстве, разумеется, мне о многом не говорили. Потом, когда я немного подрос, папа просто говорил, что Сталин — большой человек, но очень жестокий. И, наконец, когда я стал взрослым, отец однозначно говорил, что Сталин — убийца и тиран. Он мне рассказывал о трагической гибели Михоэлса, о «деле врачей» и называл это позорными моментами нашей истории. Он тогда был молодым человеком, но знал, что многие вели себя в той трагической ситуации плохо. В нашей семье их

призвана заниматься душой человека, истоками порока в обществе. Мне кажется, надо идти вглубь и заниматься исследовательской философской сатирой, а не назывательной, только констатирующей факт «болезни».

— Не потому ли театр миниатюр был назван «Сатириконом»?

— Совершенно верно. Это не означает, что жанр миниатюры исчез. Речь идет о том, что формы миниатюры недостаточно. Нам нужна острая сатирическая пьеса. Мы не можем пройти мимо классической сатиры, поскольку речь идет не о театре одного актера, а о целом коллективе молодых артистов, которым надо расти.

Относительно себя лично отец такой путь не мог принять. Он говорил: «Если я выйду на сцену и буду общаться с залом текстом Мольера, зритель меня не поймет и не простит». И

Интересно, что, когда отец поехал на гастроли в Англию, английские чиновники запретили в его программе две миниатюры. Они сказали, что проблемы, которые поднимаются в этих миниатюрах, болезненны для Англии. «Думаете, вы назвали своих персонажей русскими именами, а мы не понимаем, что речь идет о нас?» Это был редкий случай, когда отец не расстроился по поводу запрета. Он был горд, что его сатира клеймит не только своих невежд и отщепенцев. «Бюрократы и чинуши во всех странах одинаковы», — улыбаясь, говорил он.

Но вернемся к американским гастролям. Обстоятельства этой поездки были уникальны. Мы играли перед русскоязычной эмигрантской публикой. Когда отец выходил на сцену, десять минут шла непрерывная овация со слезами. Но самое удивительное происходило в конце каждого спектакля. Я такого никогда раньше не видел, и, наверное, не увижу. Представьте освещенный зал на две с половиной тысячи мест. И все до одного стоя рыдают. Плачут навзрыд и взрослые, и дети. В зале стоял стон. И мы на сцене тоже плакали. Мы чувствовали, что все родились на одной земле и тысячи нитей нас связывают. Так было всюду: в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, Бостоне, Чикаго.

Отец был счастлив. На этих гастролях он был в прекрасной форме — как будто помолодел лет на пятнадцать. Конечно, я не могу утверждать, как было бы, если бы он не поехал. Врачи ему действительно не рекомендовали. Он же много лет мечтал выступить в Америке. Ему рассказывали, как там его ждут и любят. Он видел в этих гастролях определенную миссию, если хотите, это было его последним желанием. Мы знали, что самое страшное может произойти в любую минуту. Под этим страхом мы с сестрой жили несколько лет. Когда он узнал, что врачи его не пускают, справедливо опасаясь за его жизнь, он как-то сник, это его ужасно деморализовало. И тогда мы с сестрой взяли эту поездку на себя, решив, что должно быть так, как он хочет. И поехали.

После возвращения он сыграл еще двенадцать спектаклей «Мир дому твоему». Был бодр, весел. Сыграл 300-й спектакль в день своего 76-летия. Это был последний спектакль в его жизни.

Днем позже он принял двойную дозу лекарства, случайно забыв, что уже принимал. У него возникло легкое недомогание. Врачи решили положить его в больницу. В больнице, как это нередко бывает с пожилыми людьми, через несколько дней постельного режима у него началась пневмония. Я был у него с директором нашего театра за два дня до смерти. Он находился в реанимации, и нас к нему уже не пустили. Он пожелал нам здоровья...

Отец прожил счастливую жизнь. Он был победителем во всем. Он победил всех тех, кто, находясь на высоких постах, его оскорблял и мучил. Многие из этих людей живы-здоровы. Они теперь ходят по улицам, отовсюду снятые, с потухшим взором и не смотря прохожим в глаза. Иногда я их встречаю. Их никто не вспомнит. А если и вспомнят, так только в связи с великими людьми и делами, которым они мешали.

— Почему до сих пор театру «Сатирикон» не присвоено имя Райкина?

— Уверен, что это свершится. Но пока чиновники сопротивляются и упорствуют. Они руководствуются тем, что ныне вообще не модно увековечивать имена известных людей. Но любому мало-мальски живому человеку ясно, что имя Райкина никогда не переименится.

Наш театр — детище Райкина. Его можно называть «Сатирикон Аркадьевич». Совершенно очевидно, что театр должен носить его имя.

Мы хотим, чтобы «Сатирикон» имени Аркадия Райкина был театром со своим «необходимым лицом». Впрочем, суть нашей художественной платформы лучше выражать на сцене, нежели словами в газете. Могу сказать, что того театра, о котором мы мечтаем, пока еще нет в природе. Мы к нему идём. Это большой путь. До какой степени мы сможем двигаться по нему дальше, покажет время.

Беседу вел  
М. ГОЛЬДЕНБЕРГ.

# Феномен Мастера

имена произносили с презрением. Отец не мог простить тем, кто публично выступил против подвергавшихся травле. До последних дней своей жизни у него была светлая голова, превосходная память, он полнил имена подлецов и не мог им простить.

И это несмотря на то, что сам Сталин к нему относился доброжелательно. Конечно, при жизни Сталина Райкин еще не был тем Райкиным, каким он стал в 60-е годы. У нас в семье сохранилось несколько документов, подписанных «вождем». Папа выступал на дне рождения Сталина. Когда в 1942 году театр короткое время гастролировал в Москве, отец пригласил Сталина на спектакль. Это приглашение он отдал часовому, стоящему у Спаских ворот Кремля. Ровно через два часа в номер гостиницы «Москва» постучали. Вошли четверо офицеров и попросили предъявить удостоверение личности. Впоследствии отец рассказывал, что в ту минуту он уже мысленно прощался с семьей. Затем ему вручили конверт с пятью сургучовыми печатями и с пометкой «совершенно секретно». Офицеры ушли. В конверте оказалось папиро приглашение, на обратной стороне которого красным карандашом было написано: «Спасибо за приглашение. К сожалению, прийти не смогу. Очень занят. И. Сталин».

Потом выяснилось, что в тот день сдали врагу несколько городов.

— Как он встретил апрель 1985 года?

— Приветствовал от души, хотя новое время принесло ему массу репертуарных «сложностей». Он понимал, что со зрителем нужно говорить другим языком, что на эстраду должны прийти другие темы и сюжеты. Он не мог их сразу нащупать. Старые авторы писали для него в прежнем ключе. Будучи восприимчивым человеком, он ощущал, что это не годится. Публикации в журналах и газетах, открытые высказывания компетентных руководителей радовали его как гражданина и беспокоили как художника-сатирика. Новые времена диктовали новые условия и возможности работы на эстраде.

— Вы хотите сказать, что сегодня театр Райкина был бы совсем другим театром?

— Обязательно. Отец, несомненно, стремился бы к предельно острой сатире. Эстраде он бы никогда не изменил, но искал бы новые средства, новый язык.

Сегодня сатира в растерянности. А ведь она

он был прав, хотя, думаю, сознательно обидел себя как актера. В последние годы его мощной актерской природе явно не хватало хороших ролей с большим диапазоном человеческих проявлений. Причина огромной зрительской любви к нему состояла еще и в том, что за его персонажами, которых он остро, хватко, узнаваемо показывал и изобличал, всегда угадывался сам Аркадий Райкин — лирический артист с его грустью, умом, обаянием. В нем была боль и вместе с тем — надежда. Была поэзия.

— Соединить поэзию и сатиру, лирику и сарказм дано далеко не каждому. Здесь творчество Аркадия Райкина сродни творчеству великого Чаплина, не так ли?

— Конечно. Могу сказать, что, используя минимум средств, он достигал удивительной выразительности. Он выходил на сцену — и это уже сразу был театр.

— Расскажите, пожалуйста, о его последней гастрольной поездке в Соединенные Штаты Америки.

— Об этом мы рассказываем в своем спектакле «Давай, артист». Эта поездка мало освещалась в прессе. Было только сообщение, что Аркадий Райкин поехал с сыном и дочерью в США и что мы вернулись. Все. Больше ничего. Да, была еще сомнительная заметка в «Литературной газете» от лица какого-то жителя Филадельфии, которую мы опровергли. В ней, в частности, говорилось о том, что Райкин зря приезжал в Америку, он этим приблизил свою кончину, он выступал в недостойных для себя помещениях. Действительно, в Филадельфии мы выступали не в лучшем зале. Но дело не в этом. Практически все остальные залы, которые нам предоставлялись, а мы выступали в семи городах, были огромны и до отказа набиты зрителями. И в Филадельфии выступление было тоже аншлаговым.

Американские гастролы — одни из самых успешных в жизни отца.

Двадцать с лишним лет шла тяжба между американцами и нашими чиновниками по поводу гастролей Аркадия Райкина в США. Чиновники считали, что поездка театра миниатюр в Америку будет едва ли не разглашением государственной тайны, ибо зачем американцам знать о нашей бесхозяйственности, о проявлениях социальной несправедливости, наконец, об ущемлении прав личности. А вот придет Райкин и все разболтает...